

Любич-Кошуров Иоасаф Арианович

Зеленые святки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И75

И75 **Иоасаф Арианович Л.**
Зеленые святки / Любич-Кошуров Иоасаф Арианович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
66 с.

ISBN 978-5-519-94353-6

ISBN 978-5-519-94353-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Зеленые святки*)

(изъ украинскихъ преданій).

Записано со словъ украинскаго лирника.

Вечеръ первый.

С тало быть про русалокъ? Ну, такъ и такъ; слушайте, я вамъ стану рассказывать про русалокъ.

Жиль это, видите, одинъ дѣдъ; колдунъ былъ, или Богъ его знаетъ, а только, скажемъ, сейчасъ, хоть бы, скажемъ, у вашего папеньки, захворала корова: животъ это дуется, пѣна изо рта, а отъ чего захворала — неизвѣстно, — сейчасъ за нимъ.

— Иванъ тамъ, или Левонъ, сбѣгай за дѣдомъ.

*) „Зелеными святками“ на Украинѣ называется недѣля до Троицына дня. На этой недѣлѣ, по повѣрьямъ малорусскаго народа происходятъ въ лугахъ, поляхъ, лѣсахъ, на озерахъ и болотахъ сборища русалокъ.

Ну, приведуть его; борода это длинная, длинная сѣдая, только и есть, что одна борода. Его такъ и звали „борода“, потому что, знаете, была у него борода вотъ этакая. Да; до земли.

Идетъ, бывало,—будто одна голова на бородѣ идетъ.

Многіе боялись даже, особенно, если издали.

Извѣстно—глупый народъ, а то развѣ можно на бородѣ ходить?

И совсѣмъ ничего себѣ былъ старикъ; только извѣстно они какіе:—ужъ если дѣдъ,—такъ дѣдъ.

Говорять, къ вашему дѣдушкѣ хаживаль.

Стоить это въ передней. А дѣдушка изъ спальни съ графинчикомъ; сейчасъ о графинчикъ рюмкой стукъ-стукъ... Подойдутъ.

— Ну,—говорять,—борода пьешь что-ль?

Нальютъ.

А въ передней, знаете, мухъ это видимо-невидимо.

— Пью-съ,—говорить, — батюшка, Николай Петровичъ...

И этакая, знаете, гадость, тьфу!..—Наловить съ окошка мухъ, тамъ пять или шесть, или сколько,—сейчасъ въ рюмку... Хлопъ—выпилъ.

Ахъ ты, Господи! Да... Такой былъ старикъ.

А то бабы рассказывали, да должно врутъ. Брали разъ замашки. Хорошо. Тишь, говорятъ, это, ни вѣтра, ничего это... Тепло.

Глядь—Борода. Мельница у него была тамъ

въ огородахъ... Оно, знаете, одно къ одному: колдунъ—ну значитъ и мельница. У нихъ у всѣхъ—мельницы. И у этого тоже.

Идетъ, говорятъ; жуть, говорятъ, такая взяла—на бородѣ, говорятъ, идетъ—развѣ съ ними сговоришь? Одно слова бабы. А вы такъ посудите:—развѣ можно на бородѣ ходить?

Ну все одно—на бородѣ—и на бородѣ. Походилъ, походилъ около мельницы, покашлялъ, взялъ—и отчинилъ крылья. А тихо, знаете: ни вѣтра, ничего. Потомъ, Господи Іисусе Христе, хлопъ объ землю — сталъ на голову, а ноги кверху... Сталъ и стоитъ.

И, что же вы думаете, сейчасъ это потихоньку, потихоньку замолоча мельница и пошла, и пошла! А другія мельницы, какія были—тамъ хоть, какъ сейчасъ, скажемъ, у дьячка, знаете около роши, или у становихи,—хоть-бы что: стоятъ и ничего—какъ мертвые.

И тишь, это, тишь,—страсть.

Постоялъ онъ, постоялъ этакъ: ну, не вѣкъ же ему такъ стоять—значитъ, постоялъ, сколько нужно, да; и сѣлъ на порожокъ.

Хорошо, сидитъ. Только прошло сколько времени,—глядь: одинъ возъ ѣдетъ, другой, третій. Одинъ съ рожью, другой съ пшеницей, третій еще тамъ съ чѣмъ—много собралось народу, всю мельницу окружили.

А у дьячка, (т. е., тогда еще дьячковой мель-

ницы не было, ну да это все равно—не у дьячка, такъ еще у кого)—пусто.

А онъ сидитъ и смѣется:

— Гы-гы-гы, Гы-гы-гы...

И зубы скалитъ, а зубы желтые—желтые...

Да это врутъ бабы. Господи, Господи! наговорятъ, наговорятъ, наврутъ—тьфу!

А вы слушайте, какую я про него вамъ расскажу сказку.

Слышалъ я эту сказку... Погодите... Именно отъ дѣдушкина письмоводителя... Или нѣтъ, стойте!..

Да вы меня не слушайте. Бываетъ—и спутаешь.

Можетъ это не про Бороду, а только я думаю—безъ него тутъ не обошлось...

Ну, скажемъ, сидѣлъ это разъ Борода вечеромъ у себя на огородѣ.

Огородъ у него былъ сейчасъ за мельницей.

Теперь ужъ этой мельницы нѣтъ, а хорошая была мельница, только старая... Знаете—въ полѣ, дожди, пыль—почернѣла вся; и крыша тоже почернѣла: камышовая была крыша; теперь все больше тесъ пошелъ, а тогда камышъ.

Да. Хорошо. Сидитъ себѣ. Вечеръ, знаете: тихо—тихо. Только слышно, какъ на прудѣ лягушки кричатъ; сверчекъ трещитъ подъ заваленкой: трюкъ-трюкъ, трюкъ-трюкъ... Телѣга гдѣ простучитъ, и опять тихо, только лягушки: „гу-гу-

гу...“ знаете, кричатъ онѣ иногда такъ—не квакають, а такъ въ одинъ тонъ: гу-у-у, и не громко кричатъ, а слышно, далеко отдается.

Мѣсяцъ это сталъ подниматься, красный—красный, большой. Прудъ тогда тамъ-же былъ, гдѣ и теперь; тоже камыши росли. Вы когда видѣли, какъ встанетъ мѣсяцъ (сначала то все темно, и не разберешь, гдѣ что: и камыши черные и вода черная и раkitки), а какъ встанетъ мѣсяцъ, такъ сейчасъ и загорятся и вода, и камыши, знаете блестящими, блестящими... И стоятъ тихо камыши, а кажется, будто дрожатъ отъ корня до макушки.

А тихо это—ничего, никакого шума... Кричатъ лягушки, а будто и не кричатъ—только такъ въ ушахъ отдается—будто это вмѣстѣ съ ночью пришло.

А мѣсяцъ все выше, выше, и тихо—тихо...

Хорошо. Сидитъ это Борода на камушкѣ, набилъ трубку, сталъ огонь высѣкать; тукъ-тукъ это, знаете... только слышитъ, плачетъ кто-то... Да; плачетъ: явственно слышно.

Подождаль онъ—подождаль минуту, ночью мало-ли что не почудится,—нѣтъ, плачетъ.

Ахъ ты, Господи! взялъ и пошелъ. Обошелъ весь огородъ: никого нѣтъ! На огородѣ у него огурцы росли, капуста, арбузы—шуршатъ подъ ногами—остановился опять, прислушался, тихо стало; только кое-гдѣ, гдѣ онъ ходилъ, то тамъ,

то тутъ: „трыкъ-трыкъ“—еще трещать капустные и арбузные листья. Стихло все—опять плачетъ.

— Стой,—говорить,—дай погляжу на поповомъ огородѣ.

Перелѣзъ черезъ плетень; около плетня крапива росла, обжегся весь, вышелъ на чистое мѣсто, поглядѣлъ, поглядѣлъ—темно на огородѣ; только по памяти знаетъ—налѣво подсолнухи вдоль плетня, направо початки*); арбузы круглятся изъ-подъ листьевъ по всему огороду, дыни, тыквы. Сарай у попа выходилъ задней стѣной на огородъ—бѣлая, бѣлая стѣна отъ мѣсяца, на крышѣ по боровку известка блеститъ (крыша подъ глинку была). Журавель отъ колодеза виденъ за крышей, желѣзной крючекъ горитъ на мѣсяцѣ.

Постоялъ, послушалъ—плачетъ, хоть что хочешь!

Обошелъ опять весь огородъ—никого нѣтъ.

Знаете сами, какой онъ былъ человекъ, а что же вы думаете, поглядитъ, поглядитъ кругомъ—никого нѣтъ—трусость взяла... Да...

А плачетъ, плачетъ, знаете, такъ плачетъ—сердце поворачивается,—тихо—тихо и жалобно—будто кто далеко—далеко играетъ на сопѣлкѣ, жалобную пѣсню, и не разберешь—сопѣлка ли

*) Кукуруза.

это, или такъ знаете, какъ иногда напѣвають безъ словъ, или кто тоскуетъ...

А тихо-тихо; съ попова огорода съ бугорка прудъ хорошо виденъ: мѣсяцъ дрожитъ на водѣ, гуси бѣлѣются на берегу; камыши будто живутъ, будто дышутъ въ мѣсячномъ свѣтѣ, дрожатъ, переливаются.

Стоялъ, стоялъ Борода—нѣтъ не человѣкъ это плачетъ—такая мысль пришла...

И такая тоска на него напала—стоитъ, слушаетъ... Господи, Господи, будто это сама ночь плачетъ: камыши, мѣсяцъ, который въ небѣ и который въ водѣ, и вода свѣтлая и темная—которая на мѣсяцѣ и которая въ тѣни... Потому-что, если человѣкъ плачетъ, такъ онъ плачетъ, какъ ему положено Богомъ, а тутъ былъ плачь, какъ музыка... И будто плачь былъ отъ того, что мѣсяцъ дрожалъ въ водѣ, и вода рябила отъ мѣсяца, и камыши дрожали все равно, какъ дрожатъ струны...

Никогда не плакалъ Борода, а тутъ, знаете, не то чтобы заплакалъ, а будто у него у самого въ душѣ и въ сердцѣ что-то задрожало, заныло и затосковало...

Вышелъ онъ на улицу: и самъ не помнитъ, какъ вышелъ. Пусто на улицѣ. Тогда еще церковь старая была, деревянная, низенькая съ пристройками, вся бѣлая—крашеная; тѣнь лежитъ подъ карнизами на бѣломъ, темная-темная, только

стѣнки бѣлѣютъ, а въ углахъ, гдѣ пристройки—тоже тѣнь; ограда бѣлѣетъ, шары надъ воротами на веряхъ. Тополи около колокольной переливаются—и недвижны листья, а будто шевелятся, будто уснули, да разбудилъ ихъ мѣсяцъ... И шевелятся, а шума нѣтъ.

Прошелъ онъ мимо церкви и мимо попова дома, вышелъ на мостъ; мѣсяцъ блеститъ въ водѣ; на другомъ берегу—выгонъ, колоки, орѣпы по всему выгону, а дальше поле... Повернулъ къ пруду; тутъ, знаете, ракитки росли густыя-прегустыя; выбрался изъ ракитокъ: и тутъ прямо какъ на ладони весь прудъ... широкій разлился; съ берега тѣнь лежитъ на водѣ отъ камышей и отъ ракитокъ, и камыши—темные, какъ стѣна, а какіе камыши дальше отъ берега, прямо въ водѣ,—отъ мѣсяца снизу будто синіе, а съ верху какъ въ серебрѣ. Осока, купавки по всему пруду, и на всемъ искры отъ мѣсяца—синія, темно-зеленые, серебряные; и по водѣ тоже то тамъ, то тутъ загораются искры и переливаются въ разные цвѣта...

Остановился Борода, затаилъ духъ, слушаетъ...

Тихо все. Вдругъ,—опять!.. Плачетъ кто-то—да и все!..

Сталъ приглядываться.

— Можетъ это за прудомъ,—думаетъ; присѣлъ это, глянулъ по пруду вдоль по водѣ; блестя по водѣ купавки; рыба гдѣ нырнетъ, тихо

безъ плеска; загорится кругъ на мѣсяцѣ, расплывется и погаснетъ... А вода синяя—синяя, почти темная; берегъ на той сторонѣ бѣлѣтъ, и на бѣломъ темныя пятна — гдѣ песокъ травой проросъ.

Огороды тогда за прудомъ были, копоня, ракирки росли; туманъ, это, между ракирками, какъ дымъ: роса садится. Плетни вдоль огородовъ чуть-чуть виднѣются и по плетнямъ тоже туманъ, только порѣже—будто плетни не пускаютъ его наружу съ огородовъ. .

Послушалъ, послушалъ—нѣтъ, не за прудомъ это плачетъ.

Опять глянулъ по пруду туда, сюда; глядь, Господи Боже ты мой, даже замеръ весь: камыши, это, осока, листья отъ купавокъ широкія, темныя, и сидитъ, знаете, на листьяхъ, русалочка, маленькая, маленькая, голубенькая. А волосы зеленые. Ясно видна на мѣсяцѣ, мокрая вся; съ волосъ капли падаютъ, блестятъ.

Сидитъ и плачетъ.

Сталъ больше приглядываться—видитъ кругомъ лягушки изъ воды высунулись, а одна самая большая лягушка, толстая этакая, все равно какъ огурецъ, вылѣзла тоже на листья, сидитъ противъ, глазами моргаетъ.

Поморгаетъ, поморгаетъ и сейчасъ нагнетъ лапой камышъ и утретъ глаза—плачетъ тоже.

Онѣ, знаете, лягушки—лягушки, а понимаютъ.

Говорятъ онѣ умныя. Да. А можетъ онѣ и ничего не понимали, да разжалобились на русалку...

А можетъ и такъ было: можетъ эти лягушки были изъ русалокъ, потому-что русалка, какъ она провинится въ чемъ-нибудь—такъ ее сейчасъ (дѣдъ у нихъ такой есть, который за ними смотритъ) такъ сейчасъ ее этотъ дѣдъ (онъ хоть добрый, а все-таки законъ—нельзя) сейчасъ:

— Поди сюда, Оксанка, или Маришка, развѣ такъ можно... А?

Все равно, какъ, скажемъ, учитель въ школѣ.

Сейчасъ возьметъ и либо лягушкой сдѣлаетъ, либо мышью, либо кошкой. Вотъ тебѣ и Оксанка!

Такой ужъ у нихъ уставъ.

Можетъ, эти лягушки тоже были русалки, ну и конечно жалко своей сестры.

Раздумалъ, раздумалъ это Борода, дернулъ себя за вихорь:—Эхъ,—думаетъ,—скверно дѣло. Нехорошо.

Однако, думаетъ, а сердце ноетъ—ноетъ, да ромъ что колдунъ...

Поглядитъ, поглядитъ на русалку—жалко: плачетъ, такъ, знаете, плачетъ...

Многія изъ ихней сестры тоже есть такія, что сами вродѣ того что: «ахъ, какая я несчастная», а у самой на умѣ... сейчасъ подплыветъ и защечочетъ.

Ну, да оно, знаете, и Борода не дуракъ былъ—сразу видитъ: нѣтъ не похоже на то.